

О ГРАФИКЕ И РИСУНКАХ В СОБРАНИИ МУЗЕЯ КОНСЕРВАТОРИИ

*Холодный, строгий, величавый
Хранитель прошлого - музей,
С благоговеньем приступаем
Порог обители твоей.*

*Ты для одних - бездонный кладезь.
Лишь только ключик повернул -
И заиграет много разных
Досей поры молчавших струн.*

*А для других ты - лишь название,
Без клавиш старенький рояль,
И дан ты людям в наказание,
Чтоб пыль на крышке собирал.*

*Мы не из тех, и преступая
Порог обители твоей
Одну из тайн мы забираем
Твоих сокровищ, о музей...*

Переступая порог...

Отгороженный от всего внешнего мира, в небольшой комнатке, за незаметной дверью, спрятанной за многочисленными колоннами и ничем не отличающейся от других таких же белых дверей, находится так называемая "святая святых" Санкт-Петербургской государственной консерватории имени Римского-Корсакова.

Подошедшему к этой двери впервые может показаться, что за ней нет ничего живого: оттуда никогда не доносятся звуки музыкальных инструментов, топота ног балетмейстеров, пения вокалистов, даже обыкновенная живая человеческая речь - большая редкость. Не кажется ли Вам это немного странным для такого учебного заведения как консерватория?

Но нет, ничего странного нет. За этой дверью - не просто комната, не рабочий кабинет, и, тем более, не класс для занятий. В ней находятся сердце консерватории, её душа и её память. Это - её музей.

Вышеупомянутая дверь всегда закрыта на цепочку, - так, на всякий случай. Но это совсем не значит, что там не ждут гостей. В музей можно зайти в любое время (разумеется, в рабочее), и Вас всегда там встретит неизменная хранительница "сокровищ" Рахиль Соломоновна. Она с удовольствием расскажет обо всех предметах, находящихся в её владениях.

Переступая порог музея, как-то сразу попадаешь в мир, где витает дух прошлого. Входная дверь закрылась, и... реальный мир для Вас уже не существует. Вы остались наедине с многочисленными предметами, которые непосредственно связаны с Санкт-Петербургской, а позднее - Ленинградской консерваторией, с её многолетней историей.

Давайте же неискушённым взглядом пробежимся по тому, что в пределах этих стен называют...

Сокровища

Да, именно сокровища. По-другому эти предметы назвать трудно. Однако, далеко не каждый может определить их настоящую цену. Ибо любой клочок бумажки, исписанный давно выцветшими чернилами, любая фотография, утратившая свой первоначальный блеск, не говоря уже о более крупных вещах, - всё это имеет свою тайну, свою историю, свою загадку.

И за время существования музей накопил не одну сотню таких сокровищ. Среди них - несколько бюстов - А.Рубинштейна, П.Чайковского, М.Беляева, Н.Римского-Корсакова... их имена непосредственно связаны с консерваторией. На стенах и под стеклянными витринами - многочисленные фотографии, афиши,

программы концертов, неоднократно проходивших в стенах этого учебного заведения... Также здесь есть и специально выделенные столы, для материалов, связанных с 50-ти-,80-ти-,100-летиями со дня основания консерватории. И, конечно же, нельзя не упомянуть о не менее дорогих сокровищах музея. Это... - рисунки, в большинстве своём - портреты, выполненные масляными красками, акварелью или обыкновенным простым карандашом. Портреты изображают лица всё тех же, чьё изображение было на скульптурных бюстах, они как бы смотрят на настоящее умудрённым взглядом из прошлого.

Итак, рисунки, точнее - портреты.

Прежде всего бросается в глаза портрет Н.А.Римского-Корсакова, высотой чуть ли не во всю стену, написанный масляными красками, а на противоположной стене - изображение одного из директоров консерватории К.Давыдова, на другом - не менее выдающаяся личность - Василий Кологривов... Там же - более мелкие карандашные рисунки - портреты работы Г. ского, Кремера и Шемякина. Но вспомним народную мудрость...

То, что внутри

Да, как гласит народная мудрость, "главное - не то, что снаружи, а то - что внутри." Принимая это во внимание, давайте не будем останавливаться на том, что без всяких усилий может увидеть любой праздный посетитель музея, а обратим своё внимание на громадный шкаф резного дерева. За запёртыми на ключик дверями лежат ещё одни драгоценности (позвольте называть их именно так) - это целая огромная папка, в которой хранятся рисунки (около 50-ти), сделанные акварелью, Михаила Лидова, сына известного композитора. И здесь же мы найдём эскизы, росписи, плафоны Малого зала консерватории, выполненные Рябушкиным.

Но, к сожалению, нам придётся дико извиниться перед этими замечательными художниками, ибо мы не будем уделять им должного внимания. Дверцы шкафа опять запираются на ключ, а мы, минуя это громадное сооружение, сталкиваемся, можно сказать, нос к носу, с большим по размеру письменным столом и, под стать ему, стулом - великаном.

И перед нашими глазами предстаёт так называемый уголок А.Глазунова, крупнейшего русского композитора и одного из директоров консерватории.

Выше упомянутый стол - это подарок М.Штейнберга. А всё содержимое его - латунный набор, пресс-папье, чернильница, подсвечники, приспособление для чистки перьев - всегда находилось под рукой композитора. Никакой роскоши,

изысканность, простота, удобства и уют - всё это может сказать о скромности, сдержанности, а ведь именно так говорят о характере Глазунова...

Давайте поудобнее расположимся за письменным столом, сидя на немного потрепанном стуле, на котором когда-то восседал сам директор и откроем верхний ящик, не забыв перед этим попросить от него ключик.

Итак, ящик открыт, и среди его содержимого нас интересует только одна вещь...

Листая старые страницы

И с каким-то трепетом мы извлекаем из ящика старенький, потрёпанный, разваливающийся, ничем не привлекательный альбом для рисования с тёмно-зелёной обложкой. И в рисунках нового альбома раскрывается круг интересов, может быть внутренний мир, а, может, даже и зарождающиеся черты характера Александра Глазунова или Саши, как мы его с этого момента будем называть.

Так, например, структурно пронумерованные страницы альбома говорят о зарождающемся стремлении к точности, аккуратности и порядку.

Вообще до 8-ми лет, по утверждению биографа, "внешним образом пристрастие Саши к музыке ни в чём не проявлялось, и обычным занятием мальчика было перерисовывание и раскрашивание фигур игральные карт и рисование человечков. Впоследствии ему особенно нравилось изображать музыкантов, играющих с надутыми щеками на духовых инструментах. "Есть даже упоминание о том, что он однажды нарисовал целый оркестр. Но к большому сожалению этого рисунка в альбоме нет, зато есть не менее привлекающий внимание рисунок, у которого, можно сказать, есть программа, выраженная в названии: "моя опера."

В центре этого рисунка - бородатый дирижёр, смешно помахивающий палочкой; слева - два исполнителя на валторне и ударных инструментах (даже сюда он умудрился их впихнуть); а справа - непосредственно сценическое действие (палач и жертва). По-видимому, с детства Глазунов мечтал о своей опере, но все его попытки написать её ни к чему не привели, и его единственная опера - это вот этот самый рисунок.

Всего в альбоме более 50-ти карандашных рисунков. Одни из них прорисованы с особой тщательностью, другие же представляют собой наброски тех или иных предметов. Впрочем все рисунки можно без труда сгруппировать по их, так сказать, содержанию.

Очень много рисунков посвящено анатомии человеческого тела. В альбоме в самых различных вариантах представлены семь носов,

шесть кистей рук, пять глаз, три рта и две ноги. Можно предположить, что это те самые рисунки с гипсов, которые Саша выполнял под руководством учителя рисования, некоего Поплавского, ходившего к нему в 1875-76 гг.

К другой группе рисунков относятся изображения самых разнообразных геометрических фигур и их сочетаний. Всего их 11, скорее всего, это рисунки чисто учебного характера, где Саша постигал законы перспективы, пространства, светотени и т.п.

Ещё один рисунок, который заслуживает внимания, изображает человека, несущего в руках свою шляпу. Это Глазунов назвал так: "О вы, злодей! Сняли мою шляпу! Я тоже сниму ваши шляпы!" Похоже, ещё в детстве Саше не было чуждо чувство юмора.

Наряду со всем этим, можно выделить ещё одну группу рисунков, в которых, возможно, проявляется субъективное начало - это изображения различных животных. Перелистывая альбом, то и дело натыкаешься на какого-нибудь представителя фауны, затерявшегося среди пирамид из геометрических фигур или частей человеческого тела.

Здесь есть и белка, и волк, и кот, и лось, и кабан, и птичка, и медведь. Наверняка у Саши была возможность наблюдать за поведением этих животных. Появление их на страницах альбома свидетельствует о любви к животному миру, да и редко можно встретить ребёнка, равнодушного к нашим "меньшим братьям". Сложнее сохранить эту любовь на долгие годы.

Александр Глазунов навсегда в душе остался ребёнком. Доброта, отзывчивость, сердечность, детская непосредственность - всё это, а может быть и что-то ещё, послужили поводом для создания ещё одного "шедевра", который хранится на этом же письменном столе, под стеклом. Это рисунок-шарж на Глазунова, выполненный его студентом Ефимовым. И здесь автор чётко и ясно передал всю сущность этого большого ребёнка.

Но вернёмся к нашему альбому...

Ненарисованные картины

"Мрачен ли в ночную пору, когда деревья его принимают чудовищные очертания. Страшные, фантастические обитатели лесного царства собираются на пир."

"С рассветом на небе начинают показываться розовые облачка, оргия замирает. Наступает утро."

"На берегу сидел человек, и перед глазами его менялись картины природы. Солнце ярко горело на небе; море было спокойно."

"Но вот налетел сильный порыв ветра, небо потемнело, заволновалось море."

Нет, вы не угадали. Это не описание очередных живописных творений маленького Саши. Это создание гения взрослого Александра. И это не пейзажи, нарисованные карандашом на страницах альбома, а та живопись, которая возникла посредством музыкальных звуков.

В альбоме Саши нет пейзажей, он почему-то не обращался к этому жанру, хотя с детства любил природу. Зато сколько поистине живописных страниц в его музыкальных сочинениях!

В "Лирической поэме", в симфонической картине "Весна", в квартетах и симфониях, в романсах и балетах возникают образы лесов, полей, ручьёв, девичьих хороводов, ночных пейзажей, картины утренней природы, стихии природных сил.

Альбом на этом не исчерпал все свои загадки. Что-то для Вас осталось маленькой нераскрытой тайной. Оставим же её музею, не будем забирать всё. Ведь в каждом предмете музея обязательно должна быть она.

Заключение

*Твои владенья покидали,
Здесь нас уже ничто не ждёт,
А эту тайну оставляем
Для тех, кто после нас придёт.*